

4. Антанович, Н. А. Теория политических систем / Н. А. Антанович. – Минск: Тетра-Системс, 2008. – 208 с.

5. Арон, Р. Мир и война между народами / Р. Арон. – М.: NOTA BENE, 2000. – 879 с.

6. Матузов, Н. И. Теория государства и права: учеб. пособие / Н. И. Матузов, А. В. Малько. – М.: Юрист, 2005. – 540 с.

7. Лялюк, О. Ю. Територіальна організація публічної влади в Україні як конституційно-правова категорія / О. Ю. Лялюк // Теорія і практика правознавства. – 2014. – № 1(5). – С.1–9.

8. Кревельд, М. Расцвет и упадок государства / М. Кревельд. – М.: ИРИСЭН, 2006. – 542 с.

9. Эндрейн, Ч. Ф. Сравнительный анализ политических систем: эффективность осуществления политического курса и социальные преобразования / Ч. Ф. Эндрейн. – М.: Весь мир, 2000. – 320 с.

(Дата подачи: 18.02.2023 г.)

A. Г. Цымбал

Минский государственный лингвистический университет, Минск

A. Tsimbal

Minsk State Linguistic University, Minsk

УДК 323(438):94(438)

ИНСТИТУТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В ПОЛЬШЕ: МЕЖДУ ИСТОРИЕЙ И ПОЛИТИКОЙ

INSTITUTE OF NATIONAL REMEMBRANCE IN POLAND: BETWEEN HISTORY AND POLITICS

Статья посвящена изучению деятельности ключевого актора польской исторической политики – Института национальной памяти (ИПН), который стал одним из важнейших, наиболее заметных и противоречивых публичных учреждений современной Польши. ИПН и дискуссии об истории находятся в центре политического противостояния между леволиберальными и правоконсервативными силами в Польше.

Ключевые слова: Институт национальной памяти; историческая политика; политика памяти.

The article is devoted to the study of the activities of the key actor in Polish historical policy – the Institute of National Remembrance (IPN), which has become one of the most important, most visible and controversial public institutions in modern Poland. The IPN and discussions about history are at the center of the political confrontation between left-liberal and right-wing conservative forces in Poland.

Keywords: Institute of National Remembrance; historical politics; politics of memory.

Политическое использование истории для утверждения доминирующих политических дискурсов, формирования системы лояльностей стало неотъ-

емлемой частью современной внутренней и внешней политики¹. Историческая политика первоначально появилась в Германии как *Geschichtspolitik* в контексте «спора историков» 1980-х гг. В то время использование истории в конъюнктурных интересах правящих групп рассматривалось сторонниками леволиберальных взглядов как недопустимое явление, заслуживающее осуждения. Однако с начала 2000-х гг. история оказалась крайне востребованной в политической сфере в странах Центрально-Восточной Европы, что было обусловлено в первую очередь распадом социалистического блока и третьей волной демократизации и транзита. Для обеспечения будущего и демократии, как утверждалось, необходимо было только «рассчитаться с тоталитарным прошлым» [1].

Российская исследовательница О. Ю. Малинова [2, с. 26–27] говорит о нескольких сферах, в которых история находит свое проявление в политике: 1) формирование и поддержка идентичности группы; 2) легитимация политических решений; 3) фактор политической культуры; 4) фактор принятия внешнеполитических решений; 5) элемент «мягкой силы» во внешней политике. Кроме того, одной из последних тенденций является «секьюритизация» исторической политики, что отражается в концепциях национальной и информационной безопасности. Среди угроз для безопасности государства оговаривается «необъективный пересмотр истории». Вопросы памяти и идентичности, таким образом, рассматриваются в рамках «онтологической безопасности» нации и государства, в том числе в контексте международной безопасности [3, р. 15–30].

На сегодняшний день институциональный подход к исследованию исторической политики определяется как наиболее актуальный [4, с. 14–15]. В качестве институтов выступают традиционные учреждения и формы, как музеи, мемориалы и учебники, а также новые средства инструментализации истории: Институты национальной памяти, комиссии по борьбе с фальсификацией истории и т. д. В рамках третьей волны исследований памяти внимание концентрируется на конфликтах нарративов, на борьбе за институты, музеи и памятники.

Польша стала классическим примером политического использования истории. Особое место в польской исторической политике занимает Институт национальной памяти – Комиссия по расследованию преступлений против польского народа (ИНП). Главной задачей института является расследование преступлений по отношению к польским гражданам в XX в., а также осуществление люстрационных процедур. ИПН с момента создания занял доминирующую позицию в польских «сведениях счетов с историей», одновременно став объектом острого межпартийного противостояния в первую очередь между правоконсервативным лагерем и социальными демократами.

¹ Исследование выполнено при поддержке БРФФИ в рамках проекта № Г23ИП-021.

Первоначально идея создания специального органа с задачами установления исторической справедливости не нашла поддержки у различных политических сил. Попытка обратиться к вопросам прошлого в 1992 г. вызвала резкую критику у парламента, а подготовленный специальный доклад был расценен как попытка уничтожить оппонентов нестабильного правительства и угроза польской демократии, ее политическим элитам. Кроме того, в 1993 г. на выборах одержали победу посткоммунистические силы. Польские социал-демократы пытались сделать все, чтобы предотвратить или отложить принятие закона об открытии архивов периода ПНР и создание специального учреждения для решения трудных вопросов прошлого [5, p. 257].

В 1997 г. расклад сил в польском Сейме изменился и после горячих дискуссий между правоконсервативными силами и левыми, а также раскола среди бывших деятелей Солидарности, в 1998 г. был принят закон об Институте национальной памяти [6]. Социал-демократический президент Польши А. Квасневский немедленно наложил вето на закон, которое было отклонено Сеймом. Долгие дебаты в парламенте об Институте привели к тому, что его первый председатель – Л. Керес, был назначен только летом 2000 г. [7, p. 46].

Враждебность социал-демократов по отношению к институту побудила его сторонников в Сейме предоставить ему юридическую защиту от возможных будущих нападок. ИПН стал уникальным учреждением, являющимся частью государственного управления и имеющим статус равный министерству, но независимый от правительства и любого другого политического органа. Особую значимость имеет должность председателя ИПН, который избирается Сеймом по сложной процедуре, требующей 60 % большинства, на пятилетний срок. Председатель ИПН практически не может быть отстранен от должности, что возможно только в случае признания виновным в совершении тяжкого преступления, серьезного заболевания, пренебрежения своими обязанностями или в случае действий против интересов ИПН. Также председатель ИПН не может быть арестован, кроме как в силу определенных обстоятельств. Подобным иммунитетом пользуется только Президент Польши, который, в отличие от председателя ИПН, является прямо избранным должностным лицом. В институте также был создан консультативный орган – Коллегия ИПН, члены которой также избирались по квоте от Сейма, Сената, Президента и Краевой судебной рады.

Идея создания отдельного государственного учреждения для хранения и работы с документами предыдущих режимов была заимствована из Германии. ИПН создавался по образцу Управления Федерального комиссара Германии по сохранению архивов Службы безопасности бывшей ГДР (BstU или институт Гаука). Однако польские законодатели наделили ИПН большими полномочиями и возложили на него гораздо более широкий круг обязанностей. Было создано фактически специальное министерство по

трудному прошлому. Институт стал образцом для создания аналогичного учреждения в Словакии и института изучения тоталитарных режимов в Чехии [5, р. 260].

Структурно центральные органы ИПН находятся в Варшаве, кроме того, институт имеет отделения в 11 городах Польши [8]. Деятельность ИПН сконцентрирована на четырех основных задачах. К первой можно отнести сбор, хранение и организацию доступа к документам специальных служб коммунистической Польши. На сегодняшний день ИПН обладает одним из самых больших архивов в Польше, который составляет порядка 90 километров архивных дел. Соответственно, департамент архивов является крупнейшим в институте.

Уникальным среди других учреждений, призванных разрешить трудные вопросы прошлого, ИПН делает его право вести следственные действия. Специальные подразделения прокуратуры в рамках института действуют автономно от руководства и других подразделений. Руководитель следственного отдела является заместителем Генерального прокурора Польши. Ему же подчиняется и директор люстрационного бюро.

Третьей главной задачей ИПН является образование и научные исследования. Хронологически сфера интересов института охватывает период с 7 ноября 1917 г. до 1990 г., с особым вниманием на годы Второй мировой войны. Первоначально предполагалось, что институт будет заниматься исследованиями и образовательной деятельностью по вопросам, связанным с периодом Польской народной республики. Однако в силу давления общественного мнения и СМИ, которые считали, что ИПН должен заниматься всеми сложными вопросами истории, его деятельность расширилась с периода от прихода к власти большевиков до распада социалистического блока. Именно исследовательская и образовательная деятельность ИПН наиболее заметна для широкой общественности и чаще всего привлекает внимание средств массовой информации.

ИПН ведет активную поисковую и идентификационную деятельность, а именно поиск мест захоронения и идентификация личностей польской национальности, погибших в результате действий тоталитарных режимов. Также к его компетенции относятся задачи по мемориализации и увековечению памяти мест, событий и людей, связанных с историей борьбы и мученичества польского народа как внутри Польши, так и за границей. Особое внимание в этом контексте уделяется т. н. «Крэсам», а именно Беларуси, Украине и Литве.

Окончательное утверждение ИПН в польском обществе произошло в значительной степени благодаря книге профессора Колумбийского университета польского происхождения Я. Т. Гросса «Соседи» (2001), посвященной участию польского населения в убийстве евреев в начале нацистской оккупации в июле 1941 г. в деревне Едвабне, на тот момент в Белостокской области БССР, что стало началом одной из самых значимых дискуссий в польском обществе о соучастии поляков в Холокосте [9].

Белостокское отделение ИПН начало следствие, а также научные исследования, которые помогли политикам заставить замолчать националистически и откровенно антисемитски настроенную часть общества. [10]. Дело Едвабне послужило катализатором для активизации деятельности ИПН. Оно сделало институт актуальным для всего польского общества и приемлемым для социал-демократического правительства. Оно также выдвинуло на первый план ученых, которые подтвердили свою независимость и переняли ведущую роль у политиков. Дело Едвабне стало первым тестом ИПН. Институт был предназначен для судебного преследования преступлений против польского народа. Ожидалось, что он будет осуждать советские и нацистские преступления, а не расследовать преступления поляков против евреев. Тем не менее кейс Едвабне стал ключевым элементом в завоевании ИПН доверия общества и научного авторитета.

Однако для правых и националистически настроенных сил такой подход к исторической политике, основанный на проблемных и негативных аспектах собственной истории, был недопустим и в правоконсервативном дискурсе получил название «педагогика стыда» [11, s. 339]

Середина 2000-х гг. стала переломом в польской исторической политике. К власти в 2005 г. пришла правоконсервативная партия «Право и справедливость» (ПиС). Одной из главных целей партии было изменение исторической политики страны, которая, по ее мнению, была сформирована либеральным и постмодернистским мировоззрением, что унижало национальную идентичность и исторические достижения Польши. Лидеры ПиС рассматривали историю как решающий фактор в формировании коллективной идентичности страны и построения сильного чувства национальной гордости и единства. В результате партия инициировала ряд реформ в области исторической политики, направленных на расширение патриотического и позитивного образа польского прошлого [12].

Вместо «педагогика стыда» и «критического патриотизма» в исторической политике ПиС предлагала «педагогику гордости» [11, s. 339], что предусматривало глорификацию польского антинацистского и антикоммунистического сопротивления, а также католической церкви. Новый подход подчеркивал важность выделения позитивных аспектов истории Польши, включая ее вклад в Западную христианскую цивилизацию и защиту Европы от захватчиков.

Изменения политического ландшафта в 2010 г. привели к тому, что левоцентристская партия «Гражданская платформа» (ГП), имевшая большинство в Сейме, провела поправки в закон о ИПН, предусматривавшие ликвидацию Коллегии ИПН и создание вместо нее Рады института. Политики этой партии заявляли, что необходимо исправить это плохо управляемое председателем, связанным с ПиС, Я. Куртыкой учреждение (председатель в 2006–2010 гг.), потому что ИПН «начал говорить на том же языке, что и Право и справедливость» и иметь «похожее видение истории» [13].

Впоследствии в 2016 г., когда ПиС снова получила большинство в Сейме, Коллегия ИПН была восстановлена, а версия истории предлагаемая ИПН стала иметь еще более националистический характер, все чаще игнорируя опыт меньшинств и альтернативные перспективы. В 2018 г. власти попытались внести поправки в закон об ИПН. ПиС стремилась увеличить полномочия института в вопросе преследования за нежелательные интерпретации польско-еврейских отношений в годы Второй мировой войны. Критики утверждали, что это была попытка использовать институт для продвижения националистической программы и отрицания польского соучастия в преступлениях военного времени, в частности, в Холокосте. Все чаще начинали звучать обвинения в превращении ИПН в своеобразную «историческую полицию» [14]. Решение польского правительства криминализировать обвинения в соучастии поляков в Холокосте вывело проблему на международный уровень и вызвало негативную реакцию в Израиле, США, Германии и других странах, которые обвинили Польшу в намерениях обелить историю [15].

Таким образом, Институт национальной памяти стал одним из важнейших, наиболее заметных и противоречивых публичных учреждений современной Польши. Институт на сегодняшний день имеет разветвленную региональную структуру, ведет активную научно-исследовательскую, образовательную, поисковую, мемориальную и следственную деятельность. Государственное финансирование института, например в 2021 г., в 4,4 раза превосходило выделяемые из бюджета средства на Польскую академию наук и составляло 397 773 тыс. злотых, или около 97 млн долларов [16]. Практически каждый день национальные СМИ пишут и говорят об институте, его архивах и деятельности. ИПН регулярно находится в центре общественного внимания в связи с новыми скандалами, высказываниями сотрудников или публикациями. С одной стороны, это показывает важность вопросов, с которыми ИПН имеет дело, отражает остроту противостояния вокруг оценок прошлого, а с другой – это результат активного PR института. Противники ИПН постоянно обвиняют его в клевете на национальных героев и невинных простых людей, манипуляциях и искажении исторической правды, сеянии разобщенности и ненависти. Сторонники института в свою очередь защищают его столь же весомыми аргументами, указывая, что институт только раскрывает правду, восстанавливает честное прошлое нации, показывает, кто были настоящие герои. Очевидно, что деятельность института на данный момент не привела ни к национальному примирению, ни к консолидации польского общества. ИПН и дискуссии об истории остаются в центре политического противостояния между леволиберальными и правоконсервативными силами в Польше.

Список использованных источников

1. Prezes IPN: Rozliczenie z przeszłością ma duże znaczenie dla demokracji // Dzieje.pl [Electronic resource]. – Mode of access: <https://dzieje.pl/aktualnosci/prezes-ipn-rozliczenie-z-przesloscia-ma-duze-znaczenie-dla-demokracji>. – Date of access: 10.01.2023.

2. Малинова, О. Ю. Режим памяти как инструмент анализа: проблемы концептуализации / О. Ю. Малинова // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: коллективная монография. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. – С. 26–40.

3. Innes, A. J. Memory, trauma and ontological security / A. J. Innes, B. J. Steele // Memory and Trauma in International Relations. Theories, cases and debates. – London: New York, Routledge, 2014. – P. 15–30.

4. Миллер, А. И. Большие перемены. Что нового в политике памяти и в ее изучении? / А. И. Миллер // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: коллективная монография. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. – С. 8–25.

5. Goddeeris, I. History Riding on the Waves of Government Coalitions: The First Fifteen Years of the Institute of National Remembrance in Poland (2001–2016) / I. Goddeeris // The Palgrave Handbook of State-Sponsored History After 1945. – London: Palgrave Macmillan, 2018. – P. 255–269.

6. Ustawa // IPN [Electronic resource]. – 2023. – Mode of access: <https://ipn.gov.pl/pl/o-ipn/ustawa/24216>, Ustawa.html. – Date of access: 10.01.2023.

7. Stola, D. Poland's Institute of National Remembrance: A Ministry of Memory? / D. Stola // The convolutions of historical politics / ed. by A. Miller, M. Lipman. – Budapest; New York: Central European University Press, 2012. – P. 45–58

8. О IPN // IPN [Electronic resource]. – 2023. – Mode of access: <https://ipn.gov.pl/pl/o-ipn/24154>, O-IPN.html. – Date of access: 10.01.2023.

9. Gross, J. T. Neighbors: the destruction of the Jewish community in Jedwabne, Poland / J. T. Gross. – Princeton; Oxford: Princeton University Press, cop. 2001. – 261 p.

10. Wokół Jedwabnego. T. 1, Studia / pod red. P. Machciewicz, K. Persaka; Instytut Pamięci Narodowej. Komisja Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu. – Warszawa: Instytut Pamięci Narodowej. Komisja Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu, 2002. – 525 s.

11. Ponczek, E. Митязация памяти сборной а справованіе władzy politycznej w sytuacji uobecniania się konfliktu / E. Ponczek // Transformacje. – 2017. – № 92/93. – S. 333–348.

12. Leszczyński, A. PiS zdemolował polską historię. Kult bohaterstwa i męczeństwa przysłonił wszystko // A. Leszczyński // Oko.press [Electronic resource]. – 2023. Mode of access: <https://oko.press/pis-zdemolowal-polska-historie>. – Date of access: 10.01.2023.

13. Nowelizacja ustawy о IPN przyjęta // RP [Electronic resource]. – 2023. Mode of access: <https://www.rp.pl/polityka/art16656441-nowelizacja-ustawy-o-ipn-przyjeta>. – Date of access: 10.01.2023.

14. Majmurek, J. IPN-u nie da się tak po prostu znieść ustawą // J. Majmurek // Krytyka polityczna [Electronic resource]. – 2021. Mode of access: <https://krytykapolityczna.pl/kraj/majmurek-czy-likwidowac-ipn-polityka-historyczna/>. – Date of access: 10.01.2023.

15. Kociszewski, J. Izrael: presja na Polskę w sprawie ustawy о IPN była skuteczna // J. Kociszewski // Wiadomości.pl [Electronic resource]. – 2018. – Mode of access: <https://wiadomosci.wp.pl/izrael-presja-na-polske-w-sprawie-ustawy-o-ipn-byla-skuteczna-6267276372629121a>. – Date of access: 10.01.2023.

16. Budżet IPN kilkakrotnie wyższy od Polskiej Akademii Nauk. «Czy to jest normalne państwo?» // Innpoland.pl [Electronic resource]. – 2023. Mode of access: <https://innpoland.pl>.

(Дата подачи: 20.02.2023 г.)

М. М. Юсна

Республиканский институт высшей школы, Минск

М. Yuspa

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 321:316

КОЛЛЕКТИВНЫЙ СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ В ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

COLLECTIVE SYMBOLIC CAPITAL IN POLITICAL SCIENCE RESEARCH

В статье анализируются исследования феномена коллективного символического капитала, осуществленные в русскоязычном научном сообществе. Цель анализа – выяснение существующих подходов к его интерпретации.

Ключевые слова: символический капитал; коллективный символический капитал; цивилизация; общность; государство; коммуникации.

The article analyzes the research of the phenomenon of collective symbolic capital carried out in the Russian-speaking scientific community. The purpose of the analysis is to clarify the existing approaches to its interpretation.

Keywords: symbolic capital; collective symbolic capital; civilization; community; state; communications.

В последние десятилетия в глобальном масштабе с каждым годом наблюдается всё большее проникновение информации в жизнь индивидуумов и сконструированных из них общностей. Инструменты, представляемые для работы с информационным потоком, позволяют доносить нужное сообщение к четко определенному потребителю. Представляется, что заметную роль в этих процессах играет символический капитал и его коллективная форма – феномены, обретающие популярность в наше время. В связи с этим предлагается проанализировать исследования в данном направлении в русскоязычной науке.

Капитал (англ. *Capital*, от лат. *Capitalis* – главный) – экономическая категория; совокупность элементов в денежной и вещественной форме, участвующих в создании продуктов, продажа которых на рынке позволяет возместить затраты на их производство и получить прибыль. Согласно теории К. Маркса, прибыль образуется в результате неполной оплаты труда наемных работников владельцами капитала. В процессе воспроизводства капитал проходит стадии превращения денег в товары и товаров в деньги